

О "Миргороде" Гоголя

Републикация и примечания Льва Соболева

Оригинал здесь: газета "Литература", No 36/2003.

Кто из русских читателей не знает теперь о знаменитой ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем? Что ваши гвельфы и гибеллины, Мономаховичи и Ольговичи перед этими миргородскими помещиками?¹⁶ Я и теперь ещё вижу эту славную бекешь Ивана Ивановича, это диво всего Миргорода; я и теперь ещё вижу его самого, как он лежит в счастливом бездействии и самодовольстве; как смотрит на бабу, развешивающую сокровища его соседа; как попадаетеся ему в глаза ружьё, вина знаменитой распри; как он, несмотря на лень свою, идет к Ивану Никифоровичу с роковым предложением... А их разговор, писанный, право, с натуры! А вся постепенность этой драмы! А сцены в суде! Этот поветовый судья, Демьян Демьянович, с его замечательною губою! Эти две красноречивые просьбы, из которых в одной Иван Иванович так важно доказывает, что в приходской метрической книге он никогда не назывался гусакom; что гусак есть не человек, а птица... Это похищение просьбы бурою свиньёю... Свидание городничего с Иваном Никифоровичем... Наконец бал у городничего... И неудачные усилия всего Миргорода примирить двух противников... Да кто не помнит всего этого? Кто не надрывался от смеху, читая всё это? -- Но не в том наше дело, а вот в чём.

Мы не знаем, где-то, в каком углу Малороссии, в Миргороде или в Диканьке, автор этих хохотливых вечеров отрыл клад, до сих пор в такой степени ещё невиданный в нашей литературе: это клад простодушного, искреннего, ни у кого не занятого и неистощимого смеха. Я думаю, что он нашёл его в Малороссии, что он откупорил этот весёлый дух из заветной кубышки какого-нибудь малороссиянина, потому что в литературе русской, и простонародной и образованной, мы не находим предания о такой простодушной весёлости.

Есть два качества в смехе, необходимые для того литератора, который хочет щекотать наше воображение и играть на одних весёлых струнах человека. Первое качество смеха есть искренность, непритворность, чтобы он был живым веселием лица и души, а не гримасою подделанной маски. Чтобы смешить в самом деле, не надобно хотеть смешить -- и вот верх трудности смешного! В природе человеческой есть какое-то упрямство, с которым надобно обходиться весьма тонко и нежно, которое оскорбляется вашими на него намерениями и обманывает притворного насмешника. Что делать? Человек так создан. У иного писателя много доброй воли смешить, но у нас-то мало смеху. Иной писатель коверкается, ломается, гримасничает перед вами, употребляет всевозможные унижения, весь издерживается для вашей весёлости -- и вы не смеётесь, даже не улыбаетесь. Другой только что раскроет рот, скажет слово -- и вы хохочете. Вдохновение истинного смеха есть чистый, беспримесный дар природы. Можно ещё подделаться под восторг, можно притвориться чувствительным -- и возбудить слёзы: подделаться под смех -- нельзя. Естественность -- вот его особенное свойство.

Второе качество смеха есть его неистощимость. Иной может быть смешон на несколько минут, на одну страницу; но далее скучен -- и смех его скоро выдыхается. Другой смешон, но однообразен, а однообразие есть яд веселья. Беспредельною изобретательностию поддерживать вдохновение смеха, смешить без отдыха, до конца -- вот задача, которую немногие разрешают, пускаясь на скользкое поприще комического. Почему это? Не потому ли, что струна веселья есть самая живая, но вместе и самая тонкая струна в душе человека, и как-то скорее рвётся и ослабевает, чем другие струны?

Г. Гоголь соединил оба качества смешного: его смех -- простодушен, его смех -- неистощим. Читая его комические рассказы, не понимаешь, как достаёт у него вдохновения на этот непрерывный хохот. По крайней мере, как невольно думаешь, что если бы удалось написать такую смешную страницу, -- сам бы расхохотался над нею, вдохновение тем бы удовлетворилось и не в силах был бы продолжать. Я думаю, для того чтобы не истощаться в смешном, надобно владеть своим собственным смехом, надобно самому не быть смешливым и не покоряться своему собственному вдохновению. Вот почему комики, по большей части, как свидетельствуют их биографии, были серьёзны. Это странно с первого раза, а понятно, если мы вникнем. Комик есть жертва веселья других: если сам он рассмеётся, то не будет смешить. Тот, кто хочет щекотать других, сам не должен быть щекотлив.

Хотя этот простодушный и неистощимый смех составляет резкую и отличительную черту в физиономии писателя, которого я разбираю, но этою чертою ещё не ограничивается эта физиономия,